

«Красная афиша»

К предистории Парижской Коммуны

С. Айнберг-Загряцкова

В двух папках русского посольства в Париже, за 1870 и 1871 гг., среди россыпи сохранились письма секретаря посольства Обрезкова¹. Он был оставлен в осажденной столице Франции для охраны здания и имущества посольства и оказания помощи застрявшим там соотечественникам, после того как поверенный в делах Окунев вместе с большинством дипломатического корпуса в сентябре 1870 г. переехал в Тур.

Письма адресованы разным лицам, в том числе министру иностранных дел А. М. Горчакову, но большинство из них — на имя начальника канцелярии министерства Петерсона.

Это, в сущности, не письма, а официальные донесения в форме писем — некоторые очень пространные, другие — коротенькие записки, написанные наспех, под непосредственным впечатлением волнующих событий дня, но в них ощущается дыхание живой жизни.

Письма охватывают всё время осады Парижа. А период осады — это предистория Коммуны. Каждая деталь жизни Парижа этого времени представляет интерес. И хотя Обрезков — второстепенное лицо в составе посольства, но силою вещей он оказался в гуще событий. Притом же это был человек неглупый, превосходно владевший французским языком и давно живший в Париже. Ряд сообщаемых им фактов и даже сделанных им наблюдений имеет известную ценность как показания и наблюдения очевидца.

Отношение царского чиновника к нараставшим в Париже событиям и к провозглашению Коммуны понятно. Достаточно привести заключительные строчки из его письма от 1 (13) апреля 1871 г.: «Все, кто могут, спасаются бегством. Какое положение!».

Ко многим письмам приложены вырезки из газет. Одна из них содержит знаменитую «Красную афишу»². Эта вырезка и письмо Обрезкова, к которому она приложена, позволяют уточнить дату воззвания и обстоятельства его появления.

После позорной капитуляции армии Наполеона III под Седаном Франция поднялась, чтобы преградить врагу путь к сердцу страны — Парижу. 4 сентября пала монархия Луи Наполеона, и борьбу с рвавшимся в глубь страны противником должно было возглавить правительство Национальной обороны. Но оно отказалось организовать сколько-нибудь эффективную оборону, вполне заслужив своей предательской политической печально-знаменитое прозвище «правитель-

ства национальной измены». Уже во второй половине сентября Париж оказался в осаде. Положение населения с каждым днём ухудшалось. В то же время всё яснее становилось, что правительство бессильно найти выход из создавшегося положения. Возбуждение парижан — главным образом рабочих масс, поддержанных мелкобуржуазными слоями, — усиливалось. 31 октября, по получении в Париже известия о сдаче Базеном Меца, в столице вспыхнуло восстание. Оно было подавлено. Но революционное настроение масс неуклонно росло. И, по мере того, как условия существования в осажденном городе делали всё тяжелее, революционная волна поднималась всё выше. Когда же пруссаки начали (с 27 декабря 1870 г.) обстрел Парижа — сначала военных фортов, затем предместий и, наконец, центра города, — почувствовалось приближение новой вспышки. Центральный комитет 20 округов за подписью 140 делегатов³ обратился к населению с воззванием — провозглашением «Красной афишей».

Её авторами, по словам Ж. Буржена, были Жюль Валлес и Тридон⁴.

Историки относят воззвание к 6 января 1871 года. Ни на одном из известных оригиналов его⁵, включая факсимиле⁶, число не обозначено. Основанием для датировки служит, повидимому, сообщение Chaper в его показаниях Комиссии, расследовавшей деятельность правительства Национальной обороны, о том, что префект парижской полиции Крессон, напуганный возможностью нового восстания, «6 января явился к ген. Трошию; он показал ему афишу, которую расклеили на стенах утром того дня»⁷. Между тем на газетной вырезке с «Красной афишей», приложенной к письму Обрезкова от 28 декабря 1870 г. (9 января 1871 г.)

³ См. факсимиле воззвания в «Les murailles politiques françaises», t. I, pp. 490—491. Paris. 1874.

Керженцев даёт неправильную цифру — 130 (см. П. Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г., стр. 146. Соцгиз. М. 1940); Буржен вместо 140 даёт 142: в двух случаях он двойные фамилии печатает как две различные фамилии: Jiroud, Troullier вместо Jiroud-Troullier и Roselli, Mollet вместо Roselli-Mollet (G. Bourgin. La Commune de Paris 1871 et le Comité Central. «Revue historique», t. 150, p. 11. Paris. 1925).

⁴ G. Bourgin. Histoire de la Commune, p. 39. Paris. 1907. (В русском переводе: Ж. Буржен. История Коммуны, стр. 30. Изд-во «Прибой». Л. 1926.)

⁵ Подлинник не сохранился.

⁶ «Les murailles», pp. 490—491.

⁷ «Actes du Gouvernement de la Défense Nationale», t. 1, p. 247. Paris. 1876.

¹ Архив МИД, К., 1870, № 118, лл. 268—315; 1871, № 93, лл. 534—623.

² Там же, 1871, № 93, л. 560.

на имя начальника канцелярии министерства иностранных дел Петерсона, имеется пометка рукою Обрезкова (чернилами, по-французски): «5 января 1871». Обрезков мог проставить ошибочную дату: он писал это письмо, когда в соседнем с посольством квартале рвались немецкие снаряды. Но в самом тексте письма имеется следующее указание: «Я помещаю отдельно жалкий «Призыв к Коммуне», который, с помощью моей маленькой личной полиции, мне удалось раздобыть даже раньше, чем он был расклеен¹. Авторы избрали для его распространения в предместьях именно 5 января, когда прусские снаряды производили свои первые разрушения в квартале Сен-Жак»².

Как известно, обстрел центральной части Парижа начался действительно 5 января³. Таким образом, пометка Обрезкова на газетной вырезке «5 января 1871», хотя с уверенностью её можно отнести только ко времени появления афиши, получает подтверждение совершенно точным указанием на обстоятельства, при которых воззвание было выпущено. Это даёт право утверждать, что вопреки принятому мнению «Красная афиша» появилась на стенах домов в предместьях Парижа не 6, а 5 января 1871 года. Исходя из того, что бомбардировка центра началась 5 января после полудня, надо думать, что воззвание могло появиться лишь вечером этого дня, и тогда понятно, что префект полиции узнал о нём только утром следующего дня.

Сообщение Обрезкова заслуживает большего доверия, чем показание Charpe: первое сделано непосредственно во время происшедших событий, второе — по воспоминаниям и позже собранным сведениям⁴.

Указанное уточнение датировки имеет значение. Важно отметить, что революционный центр Парижа чутко прислушивался к настроениям масс. Когда на рассвете 5 января началась бомбардировка парижских предместий и испуганные женщины с детьми пытались укрыться от снарядов в центральных районах города, когда оказалось, что враг наступает и там, когда выясни-

лось, что немцы преднамеренно обстреливают не только военные госпитали, но и больницы, приюты, школы, библиотеки, музеев, церкви и даже кладбища, возмущение и гнев народа достигли крайней степени. В эту-то минуту и появился призыв к свержению правительства и замене его Коммуной, которая организовала бы энергичный отпор врагу.

Воззвание получило широкое распространение. В трудах, посвящённых Парижской Коммуне, его обычно именуют «афишей» т. е. имеют в виду, что оно было расклеено по городу⁵. В действительности же воззвание не только было расклеено на стенах домов⁶ (главным образом в рабочих кварталах, особенно в Бельвилле), но и опубликовано в нескольких революционных органах печати⁷.

Это очень важное обстоятельство. Ведь афиша не долго удержалась на стенах домов: как только она появилась, или, во всяком случае, с утра 6 января, её стали срывать обыватели-буржуа, даже раньше, чем это успели сделать правительственные

⁵ Афиша была напечатана на тонкой тёмно-розовой бумаге, форматом в лист в развёрнутом виде (см. «Mutailles», pp. 490—491).

Этот цинковый розовый цвет, каким тогда пользовались многие парижские типографии для объявлений разного рода, в глазах буржуа, напуганных призраком Коммуны (таких, как автор известных мемуаров об осаде Парижа Фр. Сарсе), превратился в «цвет крови» («couleur de sang», см. Fr. Sarcey. Указ. соч., стр. 297). Charpe в вышеупомянутых показаниях прямо называет обращение ЦК делегатов 20 округов «Красной афишей». Эпитет «красная» имеет у него, повидимому, двоякий смысл: по цвету бумаги, на которой афиша напечатана, и по политической окраске организации, выпустившей её («Actes du Gouvernement», p. 427).

⁶ Вопреки правительственному запрещению расклеивать обращения политического характера.

⁷ За отсутствием в нашем распоряжении полных комплектов парижских газет, выходивших во время осады, не удастся пока с точностью установить, в каких именно. Несомненно только, что воззвание было напечатано в газете Ф. Пиа «Le Combat» в № 115 от 7 января 1871 г. и в органе клуба Медицинской школы «La lutte à outrance» (Charpey. «Actes du Gouvernement», p. 347, прим. 1.— Дата не указана, но, судя по тому, что в том же номере была напечатана прокламация Трошю (от 6 января вечером), это было не ранее 7 января). Один из ведущих революционных органов эпохи, «Le Réveil» Делеклюза, не напечатал воззвания.

На вырезке, сделанной Обрезковым, название газеты отсутствует, как сказано, но это, во всяком случае, не «Le Combat»: не совпадают обращения (на вырезке, как и на факсимиле, «Au peuple de Paris», а в «Combat» — «Au peuple»), расстановка абзацев; кроме того в «Combat» имеется ошибка в тексте.

¹ Выражение «расклеен» указывает, что в руках Обрезкова был именно экземпляр самой афиши. В министерство он послал не афишу, а газетную вырезку с текстом воззвания, пометив её числом, когда была выпущена афиша. Название газеты отсутствует на вырезке, а потому трудно решить, какого точно числа было опубликовано воззвание в той газете, откуда Обрезков сделал извлечение. Не исключено, что в вечернем выпуске какой-нибудь революционной газеты воззвание было напечатано одновременно с выпуском афиши.

² Архив МИД, К., 1871, № 93, л. 559.

³ А у Сарсе мы находим подтверждение и тому, что именно 5 января несколько прусских снарядов попали на улицу Сен-Жак (Fr. Sarcey. Le siège de Paris, p. 301. Paris. 1871).

⁴ Ср., например, доклад Dagu: он относит афишу к 9 января. Если это не опечатка, то пример неверного сообщения, сделанного по памяти («Actes du Gouvernement», p. 244).

«Красная афиша»

К предистории Парижской Коммуны

С. Айнберг-Загряцкова

В двух папках русского посольства в Париже, за 1870 и 1871 гг., среди россыпи сохранились письма секретаря посольства Обрезкова¹. Он был оставлен в осаждённой столице Франции для охраны здания и имущества посольства и оказания помощи застрявшим там соотечественникам, после того как поверенный в делах Окунев вместе с большинством дипломатического корпуса в сентябре 1870 г. переехал в Тур.

Письма адресованы разным лицам, в том числе министру иностранных дел А. М. Горчакову, но большинство из них — на имя начальника канцелярии министерства Петерсона.

Это, в сущности, не письма, а официальные донесения в форме писем — некоторые очень пространные, другие — короткие записки, написанные наспех, под непосредственным впечатлением волнующих событий дня, но в них ощущается дыхание живой жизни.

Письма охватывают всё время осады Парижа. А период осады — это предистория Коммуны. Каждая деталь жизни Парижа этого времени представляет интерес. И хотя Обрезков — второстепенное лицо в составе посольства, но силою вещей он оказался в гуще событий. Притом же это был человек неглупый, превосходно владевший французским языком и давно живший в Париже. Ряд сообщаемых им фактов и даже сделанных им наблюдений имеет известную ценность как показания и наблюдения очевидца.

Отношение царского чиновника к нараставшим в Париже событиям и к провозглашению Коммуны понятно. Достаточно привести заключительные строки из его письма от 1 (13) апреля 1871 г.: «Все, кто могут, спасаются бегством. Какое положение!».

Ко многим письмам приложены вырезки из газет. Одна из них содержит знаменитую «Красную афишу»². Эта вырезка и письмо Обрезкова, к которому она приложена, позволяют уточнить дату воззвания и обстоятельства его появления.

После позорной капитуляции армии Наполеона III под Седаном Франция поднялась, чтобы преградить врагу путь к сердцу страны — Парижу. 4 сентября пала монархия Луи Наполеона, и борьбу с равнымися в глубь страны противником должно было возглавить правительство Национальной обороны. Но оно отказалось организовать сколько-нибудь эффективную оборону, вполне заслужив своей предательской политической печально-знаменитое прозвище «правитель-

ства национальной измены». Уже во второй половине сентября Париж оказался в осаде. Положение населения с каждым днём ухудшалось. В то же время всё яснее становилось, что правительство бессильно найти выход из создавшегося положения. Возбуждение парижан — главным образом рабочих масс, поддержанных мелкобуржуазными слоями, — усиливалось. 31 октября, по получении в Париже известия о сдаче Базеном Меца, в столице вспыхнуло восстание. Оно было подавлено. Но революционное настроение масс неуклонно росло. И, по мере того, как условия существования в осаждённом городе делались всё тяжелее, революционная волна поднималась всё выше. Когда же пруссаки начали (с 27 декабря 1870 г.) обстрел Парижа — сначала военных фортов, затем предместий и, наконец, центра города — почувствовалось приближение новой вспышки. Центральный комитет 20 округов за подписью 140 делегатов³ обратился к населению с воззванием — прославленной «Красной афишей».

Её авторами, по словам Ж. Буржена, были Жюль Валлес и Тридон⁴.

Историки относят воззвание к 6 января 1871 года. Ни на одном из известных оригиналов его⁵, включая факсимиле⁶, число не обозначено. Основанием для датировки служит, повидимому, сообщение Charpey в его показаниях Комиссии, расследовавшей деятельность правительства Национальной обороны, о том, что префект парижской полиции Крессон, напуганный возможностью нового восстания, «6 января явился к ген. Трошю; он показал ему афишу, которую расклеили на стенах утром того дня»⁷. Между тем на газетной вырезке с «Красной афишей», приложенной к письму Обрезкова от 28 декабря 1870 г. (9 января 1871 г.)

³ См. факсимиле воззвания в «Les murailles politiques françaises», t. I, pp. 490—491. Paris. 1874.

Керженцев даёт неправильную цифру — 130 (см. П. Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г., стр. 146. Соцкгиз. М. 1940); Буржен вместо 140 даёт 142: в двух случаях он двойные фамилии печатает как две различные фамилии: Jiroud, Troullier вместо Jiroud-Troullier и Roselli, Mollet вместо Roselli-Mollet (G. Bourgin. La Commune de Paris 1871 et le Comité Central. «Revue historique», t. 150, p. 11. Paris. 1925).

⁴ G. Bourgin. Histoire de la Commune, p. 39. Paris. 1907. (В русском переводе: Ж. Буржен. История Коммуны, стр. 30. Изд-во «Прибой». Л. 1926.)

⁵ Подлинник не сохранился.

⁶ «Les murailles», pp. 490—491.

⁷ «Actes du Gouvernement de la Défense Nationale», t. I, p. 247. Paris. 1876.

¹ Архив МИД, К., 1870, № 118, лл. 268—315; 1871, № 93, лл. 534—623.

² Там же, 1871, № 93, л. 560.

на имя начальника каштелярии министерства иностранных дел Петерсона, имеется пометка рукою Обрезкова (чернилами, по-французски): «5 января 1871». Обрезков мог проставить ошибочную дату: он писал это письмо, когда в соседнем с посольством квартале рвались немецкие снаряды. Но в самом тексте письма имеется следующее указание: «Я помещаю отдельно жалкий «Призыв к Коммуне», который, с помощью моей маленькой личной полиции, мне удалось раздобыть даже раньше, чем он был расклеен¹. Авторы избрали для его распространения в предместьях именно 5 января, когда прусские снаряды производили свои первые разрушения в квартале Сен-Жак»².

Как известно, обстрел центральной части Парижа начался действительно 5 января³. Таким образом, пометка Обрезкова на газетной вырезке «5 января 1871», хотя с уверенностью её можно отнести только ко времени появления афиши, получает подтверждение совершенно точным указанием на обстоятельства, при которых воззвание было выпущено. Это даёт право утверждать, что вопреки принятому мнению «Красная афиша» появилась на стенах домов в предместьях Парижа не 6, а 5 января 1871 года. Исходя из того, что бомбардировка центра началась 5 января после полудня, надо думать, что воззвание могло появиться лишь вечером этого дня, и тогда понятно, что префект полиции узнал о нём только утром следующего дня.

Сообщение Обрезкова заслуживает большего доверия, чем показание Шареп: первое сделано непосредственно во время происшедших событий, второе — по воспоминаниям и позже собранным сведениям⁴.

Указанное уточнение датировки имеет значение. Важно отметить, что революционный центр Парижа чутко прислушивался к настроениям масс. Когда на рассвете 5 января началась бомбардировка парижских предместий и испуганные женщины с детьми пытались укрыться от снарядов в центральных районах города, когда оказалось, что враг наступает на них там, когда выясни-

лось, что немцы преднамеренно обстреливают не только военные госпитали, но и больницы, приюты, школы, библиотеки, музеи, церкви и даже кладбища, возмущение и гнев народа достигли крайней степени. В эту-то минуту и появился призыв к свержению правительства и замене его Коммуной, которая организовала бы энергичный отпор врагу.

Воззвание получило широкое распространение. В трудах, посвящённых Парижской Коммуне, его обычно именуют «афишей». т. е. имеют в виду, что оно было расклеено по городу⁵. В действительности же воззвание не только было расклеено на стенах домов⁶ (главным образом в рабочих кварталах, особенно в Бельвилле), но и опубликовано в нескольких революционных органах печати⁷.

Это очень важное обстоятельство. Ведь афиша не долго удержалась на стенах домов: как только она появилась, или, во всяком случае, с утра 6 января, её стали срывать обыватели-буржуа, даже раньше, чем это успели сделать правительственные

⁵ Афиша была напечатана на тонкой тёмно-розовой бумаге, форматом в лист в развёрнутом виде (см. «Muralles», pp. 490 — 491).

Этот невинный розовый цвет, каким тогда пользовались многие парижские типографии для объявлений разного рода, в глазах буржуа, напуганных призраком Коммуны (таких, как автор известных мемуаров об осаде Парижа Фр. Сарсе), превратился в «цвет крови» («couleur de sang», см. Fr. Sarcey. Указ. соч., стр. 297). Шареп в вышеупомянутых показаниях прямо называет обращение ЦК делегатов 20 округов «Красной афишей». Эпитет «красная» имеет у него, по видимому, двойной смысл: по цвету бумаги, на которой афиша напечатана, и по политической окраске организации, выпустившей её («Actes du Gouvernement», p. 427).

⁶ Вопреки правительственному запрещению расклеивать обращения политического характера.

⁷ За отсутствием в нашем распоряжении полных комплектов парижских газет, вышедших во время осады, не удаётся пока с точностью установить, в каких именно. Несомненно только, что воззвание было напечатано в газете Ф. Пиа «Le Combat» в № 115 от 7 января 1871 г. и в органе клуба Медицинской школы «La lutte à outrance» (Charpey. «Actes du Gouvernement», p. 347, прим. 1.— Дата не указана, но, судя по тому, что в том же номере была напечатана прокламация Троюш (от 6 января вечером), это было не ранее 7 января). Один из ведущих революционных органов эпохи, «Le Réveil» Делеклюза, не напечатал воззвания.

На вырезке, сделанной Обрезковым, название газеты отсутствует, как сказано, но это, во всяком случае, не «Le Combat»: не совпадают обращения (на вырезке, как и на факсимиле, «Au peuple de Paris», а в «Combat» — «Au peuple»), расстановка абзацев; кроме того в «Combat» имеется ошибка в тексте.

¹ Выражение «расклеен» указывает, что в руках Обрезкова был именно экземпляр самой афиши. В министерство он послал не афишу, а газетную вырезку с текстом воззвания, пометив её числом, когда была выпущена афиша. Название газеты отсутствует на вырезке, а потому трудно решить, какого точно числа было опубликовано воззвание в той газете, откуда Обрезков сделал извлечение. Не исключено, что в вечернем выпуске какой-нибудь революционной газеты воззвание было напечатано одновременно с выпуском афиши.

² Архив МИД, К., 1871, № 93, л. 559.

³ А у Сарсе мы находим подтверждение и тому, что именно 5 января несколько прусских снарядов попало на улицу Сен-Жак (Fr. Sarcey. Le siège de Paris, p. 301. Paris. 1871).

⁴ Ср., например, доклад Дагу: он относит афишу к 9 января. Если это не опечатка, то пример неверного сообщения, сделанного по памяти («Actes du Gouvernement», p. 244).

агенты¹. Обрезков пишет по этому поводу: «Здравый смысл и патриотизм населения расправился с ним (воззванием.— С. А.), сорвав повсюду демагогические плакаты»². Но газеты, как видно на примере «Le Combat»³, продолжали печатать призыв и после того, как он исчез со стен. Это значит, что воздействие его на широкие массы населения продолжалось: кто не успел прочесть афиши, мог прочесть воззвание в революционной газете.

«Красная афиша» на русском языке неоднократно приводилась в выдержках (не всегда точных) и в изложении, но полностью до сих пор не переведена.

Этот «манифест»⁴ ЦК делегатов 20 округов Парижа сыграл значительную роль в подъёме революционного настроения рабочих масс Парижа и вполне заслуживает того, чтобы быть, наконец, полностью переведённым на русский язык: выдержки и изложение не дают настоящего представления о нём, вследствие чего остаётся недостаточно убедительным утверждение (правильное по существу) некоторых наших исследователей, что «Красная афиша» имела «большое революционное значение», что она «приобрела большую популярность»⁵.

Указанные соображения побудили автора настоящего сообщения дать новый, полный и несколько более точный перевод «Красной афиши».

Текст её гласит:

«К народу Парижа

Делегаты 20 округов Парижа.

Правительство, взявшее на себя 4 сентября дело национальной обороны, выполнило ли оно свою миссию? Нет!

Нас 500 тысяч бойцов, а 200 тысяч пруссаков сжимают нас в тисках! На ком лежит ответственность за это, если не на тех, кто нами правит? Они занимались переговорами, вместо того чтобы лить пушки и готовить оружие.

Они отказались от всеобщего набора.

Они оставили бонапартистов на своих местах и кинули в тюрьмы республиканцев.

Только через два месяца, на другой день после 31 октября, решились они, наконец, действовать против пруссаков.

Своей медлительностью, своей нерешительностью, своей инертностью они довели нас до края пропасти; они не умели ни управлять, ни сражаться, между тем как

в их руках были все средства, продовольствие и люди.

Они не сумели понять, что в осаждённом городе все, кто борются за спасение родины, имеют равное право на получение от неё средств к существованию: они ничего не умели предвидеть: там, где могло быть изобилие, они создали нищету; умирают от холода и уже почти от голода; женщины терпят лишения; дети чахнут и гибнут.

Военное руководство ещё плачевнее: бесцельные вылазки; безрезультатные губительные сражения, постоянные неудачи, способные лишить мужества самых храбрых; Париж, подвергающийся бомбардировке.

Правительство показало, на что оно способно; оно убивает нас.

Спасение Парижа требует быстрого решения.

Правительство отвечает лишь угрозами на упреки со стороны общественного мнения. Оно заявляет, что поддержит порядок⁶ — совсем как Бонапарт перед Седаном.

Если люди из Ратуши сохранили ещё хоть каплю патриотизма, их долг — устранившись, предоставить народу Парижа самому позаботиться о своём освобождении. Муниципалитет или Коммуна, каким бы именем её ни называть, — единственное спасение народа, единственное его прибежище от смерти.

Поддерживать нынешнюю власть, сотрудничать с ней — это вечно покрывать всё те же ошибки, без конца длить всё те же бедствия⁷.

Итак, продление этого режима означает капитуляцию, а Мец и Руан учат нас, что капитуляция это ещё не только и всегда голод, но это — крах всего, крах и позор!

Это — армия и национальная гвардия, уведённые пленниками в Германию, дефилирующие по городам под гряд оскорблений иностранцев; это — расстроенная торговля,

⁶ Подчёркнуто в подлиннике. В «Journal officiel» от 31 декабря 1870 г. было опубликовано обращение правительства Национальной обороны за подписью Жюль Фавра. В нём отмечалась необходимость поддержания порядка.

⁷ Чтобы наглядно представить, какой огромный сдвиг произошёл в революционном сознании левых политических партий за время с 4 сентября до начала бомбардировки Парижа, достаточно сопоставить эти слова с заявлением бланкистов (среди которых фигурирует и имя одного из авторов «Красной афиши» — Тридона) от 6 сентября о «самой энергичной», «самой полной» и «безоговорочной» поддержке правительства Национальной обороны — при единственном условии, что оно будет отстаивать Республику во что бы то ни стало и «скорее вместе с нами (подписавшими заявление. — С. А.) погребёт себя под развалинами Парижа, чем подпишет позор и расчленение Франции». (У Керженцева это место неточно переведено и самое заявление неправильно отнесено к 7 сентября. См. указ. соч., стр. 52, ср. «Les Murailles», p. 15).

¹ О том, что полиция срывала афишу, мы имеем указания в «La lutte à outrance». Газета писала: «Правительство не удовольствовалось тем, что приказало срывать его (манифест делегатов 20 округов). — С. А.) со стен, где он был расклеен...» (цит. по Charier «Actes du Gouvernement», p. 347, прим. 1).

² Архив МИД, К., 1871, № 93, л. 559.

³ См. примечание 7 на стр. 89.

⁴ Так называли «Красную афишу» революционные издания того времени (см. «Le Combat» и «La lutte à outrance»).

⁵ П. Керженцев. Указ. ссч., стр. 146.

мёртвая промышленность, Париж, раздавленный под тяжестью военных контрибуций: вот что нам готовит неспособность или измена.

Великий Народ 89-го года, разрушающий Бастилии и низвергающий троны, станет ли он в пассивном отчаянии ждать, пока холод и голод оледенят в его сердце, удары которого считает враг, последнюю каплю крови?

Нет!

Население Парижа никогда не согласится на эти страдания и этот позор. Оно знает, что ещё есть время, что решительные меры дадут возможность рабочим — жить, всем — сражаться.

Всеобщая реквизиция,

Безвозмездное равномерное распределение продовольствия,

Всенародное ополчение.

Политика, стратегия, администрация

4 сентября, — продолжение империи, — осуждены. Дорогу Народу! Дорогу Коммуне!¹

Делегаты двадцати округов Парижа².

Этот страстный призыв к решительным мерам, к действенной защите национальной независимости, чести и достоинства Франции сыграл свою роль в революционизировании Парижа.

Борьба продолжалась... «Красная афиша» отмечает один из этапов по пути к провозглашению Коммуны: она знаменует революционный подъём парижских масс между двумя восстаниями — 31 октября и 22 января. Её значение в предистории Коммуны несомненно.

¹ Подчёркнуто в подлиннике. — С. А.

² Подписи делегатов на вырезке отсутствовали. Они приведены у Буржена (см. G. Bourgin. Указ. соч.).